

Пролог

Старик стоял у зеркала, висящего на стене туалетной комнаты небольшого ресторанчика, где он отмечал свой день рождения, причесывался и думал о том, что он еще о-го-го. Фигура подтянутая, лицо довольно гладкое, зубы неплохие. Они, конечно, не так крепки и белы, как в молодости, а сероваты, сточены, на многих коронки, но все же во рту не протезы, как у большинства его ровесников.

Старик широко улыбнулся своему отражению. Убрал расческу, пригладил волосы, и без того лежащие идеально. С возрастом его шевелюра сильно поседела и немного поредела, однако старик ею гордился. Не всякий мóлодец может похвастаться тем, что у него нет залысин, а на затылке не проклевывается плешь. Взять, к примеру, тех, с кем старик сейчас отмечал свой юбилей. Их было шестеро. Все парни. Самому младшему тридцать восемь, старшему — сорок семь. Мальчишки! А трое уже, если по-научному, с алопецией. И все делают вид, что их это не трогает. Шутят про умные волосы, покидающие дурную голову. Вспоминают о каких-то исследованиях, согласно которым лысые более сексуальны и поэтому нравятся женщинам. Приводят в пример Брюса Уиллиса и Гошу Куценко. А сами наверняка мечтают иметь густую шевелюру...

Но разве кто-то из них в этом сознается?

Старик открыл кран, пустил воду, желая помыть руки, но тут ощутил острую боль в области живота. Чертова язва! Только она омрачала его жизнь...

Боль усилилась. Что неудивительно, ведь он сегодня нарушил диету. Наелся салатов с майонезом, копченой колбасы, соленой рыбы. Да еще выпил в честь праздничка. Почувствовав, как по лбу начинает стекать пот, старик оторвал бумажную салфетку, вытер лицо, после чего полез в карман за таблетками. Он уже принял одну, когда зашел в туалет, но она не подействовала, придется глотать еще пару. Чтоб наверняка. Ему нужно продержаться не меньше часа, а лучше два. Ведь он обещал гостям сюрприз...

Трясущейся рукой старик достал пузырек с лекарством. Зубами стащил крышку. Вытряхнул на ладонь две таблетки, отправил их в рот, проглотил. Одна прошла хорошо, но вторая застряла в горле. Чтобы протолкнуть ее, старик выпил воды. Прямо из-под крана. Вроде бы стало лучше.

Постояв немного с закрытыми глазами, он собрался убрать лекарство в карман, как руки вдруг перестали слушаться. Он просто-напросто их не чувствовал.

Пузырек упал на пол. Таблетки рассыпались. Старик смотрел на них, и какая-то мысль не давала ему покоя. Но сосредоточиться на ней он не мог, мешала нарастающая боль. Еще недавно она была сконцентрирована в животе, но теперь завладела и грудной клеткой, и горлом, и лобной областью.

Старику стало ясно, что это не язва, а что-то гораздо более страшное!

И тут он смог ухватить ту мысль, что не давала ему покоя. Таблетки! Те, что валяются сейчас на полу и которые он принял совсем недавно... Они... Они отлича-

ются от его язвенных. Не сильно, но все же... Немного другой оттенков, полоса не такая глубокая...

— Отравили, — просипел старик. Он хотел прокричать эту фразу, но горло сдавил спазм.

Боль завладела всем его телом. Сжала стальным обручем голову.

Ноги стали подкашиваться. Понимая, что через несколько секунд он рухнет на пол, старик направил свое сведенное судорогой тело к двери. Она открылась, когда он навалился на нее. За дверью небольшой, метровый, коридорчик, а дальше, через арку, зал. Сквозь пелену на глазах старик рассмотрел тех, кто там находился. Главное же, найти глазами своего УБИЙЦУ. Перед тем как отойти в мир иной, старик хотел указать на него. Чтоб все знали, кто повинен в его смерти...

Часть первая

Глава 1

*Виктор Саврасов
(За час до случившегося...)*

Зал ресторана был так мал, что Виктор Саврасов, как только вошел, почувствовал себя крайне неудобно. Его рост составлял два метра. Саврасову везде было тесно. Приходилось то нагибаться, то поджимать ноги, то следить за руками — если их развести широко, можно что-нибудь уронить или удариться. В те годы, когда у Виктора не было личного самолета, он ужасно страдал, летая на транспортных. Даже в бизнес-классе ему было некомфортно. В стандартных квартирах с высотой потолков два пятьдесят пять он вечно стучался о люстры. Поэтому сразу, как только появились деньги, он построил себе огромный дом. Недоброжелатели тут же решили, что Виктор Саврасов жуткий выпендрожник, а он просто стремился к максимальному комфорту.

В ресторане же, куда он заехал, чтобы поздравить своего бывшего преподавателя с юбилеем, Виктор сразу почувствовал себя Гулливером в стране лилипутов. Низкий потолок давил на макушку, а столики, которыми было густо заставлено тесное помещение, доходили ему до колен и казались игрушечными. Когда же Саврасова усадили за один из них, он едва не опроки-

нул закуски, попытавшись просунуть под него свои длинющие ноги. Виктор планировал остаться на десять минут, подарить педагогу букет цветов и шахматы из слоновой кости, провозгласить тост, выпить символическую рюмку водки и ретироваться, сославшись на неотложные дела. Но не тут-то было! Семидесятилетний профессор, пока не высказался сам, другим и слова вставить не дал. А поговорить он любил...

Пока старик вещал, Виктор рассматривал гостей. Их, включая его, было шестеро. Двоих он знал. Остальных нет, хотя лицо одного из них показалось смутно знакомым. Старик представил его Виктору, но имя ни о чем тому не сказало.

— Вот я дурак, — услышал Саврасов шепот сидящего рядом гостя. Это был его сокурсник и добрый друг Андрей Седаков. — Думал, забегу на минутку, уважу старика, а, судя по всему, застрять придется не меньше чем на час...

Виктор кивнул. Он уже и сам был не рад тому, что решил поздравить профессора лично. Мог бы, как обычно, позвонить тому и отправить курьером цветы и презент, но... Старикову исполнилось семьдесят, такая дата! К тому же впервые он прислал официальное приглашение на торжество. Когда секретарь сообщил о нем, Виктор удивился. Старик был крайне скуп. Просто-таки маниакально. И никогда не собирал застолий. Даже когда к нему приходили в гости коллеги или студенты, чтобы поздравить, он только чаем их поил. С недорогими конфетами или вареньем. А тут вдруг приглашение на банкет. Да еще и в ресторан.

Виктор решил так: «Буду в это время в Москве, заскочу. Порадую юбиляра. Как бы я к нему ни относился как к человеку, а преподаватель он — от бога. Он так много мне дал...»

Профессора не любили многие. Можно сказать, все. За скверный характер и излишнюю строгость. Он три шкуры драл со своих студентов. Любимчиков не имел. Поблажек никому не делал. Даже тем, кого выделял. Виктор, например, пусть и считался фаворитом старика, ни разу «на халяву» не получил ни одного зачета. А Седакова — его Стариков недолюбливал за излишнюю самоуверенность — профессор вообще беспощадно топил. Андрей чуть из-за него из института не вылетел. Виктор, между прочим, когда увидел друга в числе гостей, поразился. С чего бы Седакову являться на день рождения к человеку, омрачившему все его студенческие годы? А вот почему старик пригласил Андрея, Виктор понял сразу. Те ученики, что добились большого успеха, для любого педагога почетнее медалей. И не важно, где он преподает или преподавал, в Гнесинке, Литературном институте или Финансовой академии, льстит, что тот, кто у тебя учился, стал звездой. Сцены, беллетристики, предпринимательства — не имеет значения. Главное, человек достиг высот своей профессии. А в этом немалая заслуга педагога, не правда ли?

Так что Виктор изначально готовил себя к роли эдакого свадебного генерала. Предполагал, что на торжестве будет множество гостей — бывших коллег, друзей, родственников. И старик будет перед ними хвалиться своим «творением» — одним из самых известных олигархов России Саврасовым.

Виктор в списке «Форбс» занимал шестую строчку. Мог бы забраться и на самый верх, но не стремился к этому. Самому себе он давно все доказал и перестал рваться в абсолютные лидеры уже в возрасте тридцати лет. Теперь ему было сорок. И он прочно закрепился во всех рейтингах самых богатых и влиятельных

людей России. Его состояние было так велико, что обращать внимание на то, на сколько миллионов богаче кто-то другой, он считал глупым. Но было время, когда он мечтал стать самым-самым. Во всем. В том числе в этом. И когда ему удалось потеснить с первого места бессменного «чемпиона» Лаврентия Кондрашова, Виктор понял — жизнь удалась. И успокоился. Перестал гоняться за сверхприбылями, вкалывать без выходных, шагать по головам. «Всех денег не заработаешь, — сказал себе Виктор. — А тех, что я имею, мне хватит на миллион лет!»

Виктору нравилась поговорка: кто знает, сколько у него денег точно, не может считать себя богатым. Сам он не знал. Его активы были так огромны и разнообразны, что, возмись он без помощи своих бухгалтеров прикидывать размер собственного состояния, погрешность в подсчетах составила бы несколько миллионов евро.

Виктор всегда был золотым. Мальчиком, парнем, мужчиной. Его отец занимал пост министра, мать была прима-балериной Большого театра. Виктор ни в чем не знал отказа. Ему покупали фирменные вещи, бытовую технику, мотоциклы. Сколько он перебил их в подростковом возрасте, не сосчитать! Когда Виктор на очередной «Ямахе» врезался в бетонный забор и едва не погиб, отец сказал: «Хватит!» — и... Подарил сыну машину. Юркую иномарку с подушкой безопасности. Тогда Виктор только поступил в Финансовую академию.

Учился Саврасов легко. Ни разу не завалил ни одного экзамена или зачета. Родители гордились умницей-сыном и после каждой успешно сданной сессии одаривали его чем-то. Многие сокурсники Виктора думали, что именно поэтому он так хорошо учится. Ста-

рается, чтобы получить новый магнитофон, золотые швейцарские часы, машину, квартиру, наконец. Ее подарил Саврасову отец после того, как сыну вручили «красный» диплом. Но они ошибались! Виктору просто нравилось учиться. А то, что его увлекало, давалось ему легко.

После института была аспирантура и престижная работа в международном банке. Став кандидатом наук, Виктор занял пост вице-президента московского филиала. Другому бы радоваться: жизнь удалась, а Саврасов захандрил. Стало скучно. Ведь все ему давалось без борьбы. Многие думали, что тут не обошлось без мохнатой лапы папочки-министра. Даже сам Виктор. Пару раз он напрямую спрашивал у отца, не вмешивался ли тот в его судьбу. Тот отвечал отрицательно. Но Виктор все равно сомневался. И чтобы доказать самому себе, что он чего-то стоит, уволился со своей престижной работы и вместе с однокурсником и большим другом Андрюхой Седаковым учредил коммерческий банк. В ходе залоговых аукционов он приобрел государственные пакеты акций многих крупных компаний — судоходных, золотодобывающих, нефтяных. Это сделало Виктора и Андрея богачами. Когда им стало тесно вместе, они разошлись. Но только как компаньоны. Дружба их прошла многие испытания и только окрепла со временем. Встречались Виктор с Андреем нечасто, оба были крайне занятыми людьми, но хотя бы три раза в год обязательно выбирались вместе на пять-шесть дней на отдых. Катались либо на горных лыжах, либо на яхте. А последний раз летали в Кению на сафари.

С того незабываемого отпуска прошло два месяца. Друзья постоянно созванивались, но увидеться смогли только сейчас. Причем явились на юбилей профессо-

ра, не сговариваясь. Виктор думал, что тот Седакова даже не позовет. А вот поди ж ты! На то, что старик изменил свое отношение к Андрею, можно было не надеяться, он был страшно злопамятен. Значит, позвал по той же причине, что и Виктора. Седаков тоже был миллиардером. Но не любил светиться. Его знали только в узких кругах. Не то что Виктора. Не проходило недели, чтобы о нем не написали в желтой прессе или не показали по телевизору.

Еще одного гостя, Лаврентия Кондрашова, пресса также удостаивала вниманием. Но если имя Седакова обычно полоскали скандальные журналисты, приписывая ему романы то с одной красоткой, то с другой, то с третьей, то о Лаврентии писали газеты финансовые и политические.

«Трое из шести гостей чертовски богаты, — подвел итог Виктор. — Остальные, судя по всему, тоже не бедствуют. Не так круты, как мы, иначе я знал бы их, но, судя по часам, запонкам и костюмам, состояние каждого составляет как минимум несколько десятков миллионов в валюте! Разве что тот, чье лицо мне кажется знакомым, выглядит очень скромно. На нем нет ни часов, ни украшений, даже телефона сотового не видно. Но держится очень уверенно, не тушуясь. Бедняки обычно в компании сильных мира сего так себя не ведут...»

— Узнал Аристарха Козловского? — услышал Виктор тихий голос Андрея.

— Кого? — переспросил тот.

Седаков молча указал глазами на знакомого незнакомца. Виктор недоуменно на него воззрился. Знал он когда-то человека по фамилии Козловский и имени Аристарх. Да кто его не знал? Он владел фондовыми биржами. Стал первым российским олигархом. Был

немного эксцентричен. Любил учреждать премии имени себя и жениться на знаменитых женщинах. Виктор хорошо помнил, как Козловский выглядел. Импозантный, бородатый, с обширной лысиной, в очках и в неизменном черном костюме, призванном его строить. Виктору он чем-то напоминал крота из мультфильма про Дюймовочку. Господин же, что сидел поодаль от него, не походил ни на этого персонажа, ни на Козловского. Хотя и был лыс. Но лицо и фигура другие. Тот был крепко сбитый, этот худой как щепка. И лицо у Аристарха было сытое, благостное, но чуть хитроватое, как у хорошо поддающего, вороватого дьячка, а у знакомого незнакомца — аскетичное, вытянутое, с заостренными чертами и каким-то бабьим подбородком...

Неужели это Козловский?

— Не может быть! — воскликнул он. Да так громко, что старик услышал его возглас и сурово сдвинул брови. Он как раз рассуждал о том, насколько снизился уровень образования в стране, и решил, что Виктор оспаривает его мнение. Саврасов извинился и попросил продолжать. Едва старик возобновил свою пламенную речь, Виктор наклонился к Седакову и переспросил: — Это Козловский?

— Да.

— Но мне старик его представил как Николая Козлова.

— Правильно. Его именно так зовут. И профессор знает его прежде всего как Кольку Козлова.

— Назвался Аристархом и подкорректировал фамилию для благозвучности?

— Наверное.

— И все равно я бы его не узнал...

— У него фаланги на мизинце правой руки нет.

Виктор покосился на кисть Козлова. Действительно, левый мизинец обрублен. У Козловского был точно такой же дефект. Саврасов это помнил.

— Чего это с ним случилось? Отчего так исхудал? — не переставал удивляться Виктор.

— Может, болеет...

— Не скажешь. Вид бодрый. Хоть и истощенный.

— А этих двух братьев знаешь? — полюбопытствовал Седаков, легонько кивнув на сидящих по правую сторону от старика мужчин. На первый взгляд они были непохожи, разве только своей «компактностью»: низкий рост, узкие плечи, маленькие кисти, но, если присмотреться, в лицах угадывалось родственное сходство. Однако ж Седаков его уловил мгновенно. Он был очень наблюдательным.

— Нет, — ответил на его вопрос Виктор. — А ты?

— Вот и я тоже подозреваю, что и они учились у него. На его родственников-то не тянут. Старик — русский, а ребята — евреи.

Тем временем старик закончил свою пространную речь словами благодарности в адрес тех, кто пришел, и попросил их выпивать и угощаться. Но едва прозвучали эти его слова, как из фойе раздался шум. Прислушавшись, Виктор различил голоса:

— Я говорю вам, ресторан закрыт на спецобслуживание!

— Да я понимаю. Но я и пришла, чтобы поздравить юбиляра!

Первый голос был мужским, принадлежал, судя по всему, охраннику Лаврентия Кондрашова, оставленному при входе, а второй — женский.

— Так вы гость? Назовите свое имя, у меня список...

— Я человек, желающий поздравить Алексея Алексеевича Старикова с днем рождения! — отчеканила женщина.

Кондрашов вопросительно глянул на юбиляра, тот кивнул.

— Гоша,пусти! — крикнул Лаврентий. А Стариков встал из-за стола.

Через несколько секунд в зале показалась женщина с цветами в руках. Ее возраст определить было трудно. Прежде всего потому, что половина ее лица скрывалась под огромными дымчатыми очками, а голову украшал (а скорее уродовал) платок, повязанный на мусульманский манер. Он был надвинут на лоб и уши, а заканчивался узлом сзади. Многие женщины подобным образом на курортах закрывают голову от солнца. Но Виктору это не нравилось. Выглядело не-сексуально. Уж лучше шляпа. А если есть тяга к платкам, то их можно завязывать и по-иному. Чалмой, например.

— С днем рождения, Алексей Алексеевич! — проговорила женщина, подойдя к столу и встав рядом с Виктором. Он уловил легкий ванильный запах духов. Весьма приятный.

Старик поблагодарил ее кивком. Виктору показалось, что к незваной гостье он испытывает неприязнь. И она взаимна.

— Это вам! — женщина протянула букет имениннику.

Тот взял и, не взглянув на него, положил на столик с подарками.

Повисла пауза.

— До свидания, — нарушила ее дама.

— Прощайте, — разомкнул-таки уста Стариков.

Его поведение показалось Виктору странным. Хотя бы из вежливости мог пригласить гостью к столу. Тем более что на нем стояло несколько лишних приборов. Очевидно, не все гости из списка явились на банкет.

Когда женщина ушла, именинник с явным облегчением выдохнул и опустился на стул. Затем аккуратно разложил на коленях салфетку и сказал:

— Давайте уже кушать! Милости прошу, угощайтесь.

Первым потянулся к закуске Козловский. Хотя не пил. Взял оливку, засунул в рот. Но тут же поперхнулся, закашлялся. Извинившись, вышел из-за стола и поспешил на улицу. Виктору подумалось, что отплеиваться. Наверняка оливки были кислыми.

Виктор окинул взглядом стол. Колбасная нарезка сомнительного качества, красная рыба явно не первой свежести, салаты, напоминающие месиво. Старик, как всегда, пожадничал. И сэкономил не только на закуске, но и на выпивке. Водка, что была предложена, пахла настолько отвратительно, что Виктор даже пригубить ее не смог. Только сделал вид, что хлебнул. Седаков тоже. Остальные притворились непьющими. Хотя, вполне возможно, Козловский и братья на самом деле являлись трезвенниками. А вот Лаврентий совершенно точно любил выпить. Причем всем дорогушим коньякам и изысканным винам предпочитал русскую водочку. И имел несколько заводов по ее производству. Этот бизнес не приносил ему ощутимого дохода, больше удовольствие. Технологи его предприятий постоянно изобретали какие-то новые сорта, и Лаврентию нравилось их дегустировать.

— Не знал, что Кондрашов учился у старика, — заметил Виктор.

— Я не знал, что Кондрашов вообще учился, — хмыкнул Андрей. — По крайней мере, по его речи этого не скажешь...

Седаков, как всегда, попал в точку. Разговаривал Лаврентий на самом деле так, будто окончил только восьмилетку, и ту с горем пополам. В том, что Кондрашов чертовски умен, ни у кого сомнений не было. Дурак не сможет сколотить миллиардное состояние, и уж тем более не только не потерять его во время кризисов, но и приумножить. Причем Лаврентий разбогател законным путем (лучше сказать, условно законным, так как сделать большие деньги, соблюдая все буквы закона, невозможно), а если и проворачивал какие-то нелегальные дела, то так аккуратно, что ни разу не был в том уличен. И с властью Лаврентий не ссорился. Даже вступил в партию правящего большинства. Но в авангард не лез. Понимал: политическим лидерам нужно, кроме всего прочего, иметь хорошо подвешенный язык. Лаврентий же был не только косноязычен, но и безграмотен. Он неправильно ставил ударения, склонял слова, строил фразы. Поэтому никогда не давал телевизионных и радиоинтервью, а те, что печатались в газетах, придирчиво редактировались его помощниками. Лаврентий, по слухам, даже нанимал репетиторов по русскому языку, педагогов по риторике и обращался к специалисту, ставящему правильную речь (Кондрашов тянул гласные, хотя родился и вырос в Москве, и проглатывал некоторые согласные), но все напрасно. Говорил он все так же коряво.

— Что же вы не едите ничего? — разнесся по залу обиженный возглас именинника. — Рыбка красная вот, колбаска, салатика... — Он подвинул к вернувшемуся с улицы Козловскому тарелку с оливье. — Коля, покушай!

— Спасибо, Алексей Алексеевич, но я вегетарианец.

— Тогда минтай съешь в кляре.

— Рыбу я тоже не употребляю. Я лучше яблочка... — И он взял с вазы дольку грушовки.

Старик хотел высказать свое мнение насчет вегетарианства (судя по скривившейся физиономии, отрицательное), но тут Лаврентий предложил тост за здоровье именинника. Наверняка хотел сразу после него покинуть ресторан.

Однако старик не собирался никого так рано отпускать. Сообщил, что скоро будет горячее, а затем сюрприз для гостей. После чего он подозвал к себе официантку. Худенькая девушка с собранными в хвост светлыми волосами подошла к нему так стремительно, что со стола сдуло пару салфеток. Обе упали Виктору под ноги. Официантка не заметила этого. И Виктор решил поднять их сам. Наклонился под стол и увидел валяющийся на полу пузырек. Зная, что у старика язва и он регулярно принимает пилюли, Саврасов взял лекарство в руки и громко сказал:

— Алексей Алексеевич, вы, кажется, обронили!

Старик посмотрел на пузырек и кивнул.

— Да, это мои таблетки. Когда я умудрился их обронить? Вроде в плащ перекаладывал... — Он взял лекарство, поблагодарил Виктора и вернулся к беседе с официанткой. Говорил он тихо, но было ясно: отчитывает ее за что-то. Он едва заметно постукивал пальцем по столешнице. Девушка понуро кивала.

Виктору стало жаль ее. Такой клиент, как Стариков, беда для официантов. Всю душу вытрясет, а на чай ни рубля не оставит.

Отпустив девушку, профессор обратился к гостям:

— Итак, друзья мои, через десять минут принесут горячее. А потом обещанный сюрприз! Сейчас же можно перекурить... — И ворчливо добавил: — Хотя я бы не советовал. Вреднейшая привычка...

Все встали из-за стола. Старик направился в уборную, братья — на улицу курить, Козловский с ними, воздухом подышать. В зале остались Саврасов с Седаковым да Кондрашов, все встали, чтобы размяться.

— Лаврентий, неужто и ты у старика учился? — спросил у него Андрей. Они были с ним на «ты». Седаков вообще быстро с людьми сходилса, хотя никого, кроме Виктора, близко к себе не подпускал.

— Да. Заочно.

— Когда?

— Два года назад диплом получил. Старик нас выпустил и на пенсию ушел.

— Зачем тебе это нужно было, не пойму...

— Что именно?

— Диплом! Ты же финансовый гений и без него. Самородок. Таких, как ты, учить — только портить.

— Почему же? Узнал кое-что полезное. — И, усмехнувшись, добавил: — Учиться было забавно...

После этого он удалился в другой конец зала, чтобы поговорить по телефону, который зазвонил. Лаврентий сказал: «О, телефон звонит, пойду покалякаю!» Виктора это покорибило. Он отличался врожденной грамотностью и испытывал чуть ли не физические страдания, когда при нем коверкали слова, письменно или устно, не важно.

Но к Лаврентию при всем при этом он испытывал симпатию. Ему даже внешность Кондрашова нравилась, хотя многие находили ее блеклой, невыразительной. Среднего роста, худощавый, белобрысый, Лавр не бросался в глаза. Если бы не родимое пятно в форме

креста на лбу, вряд ли бы его вообще замечали. Но Виктор, который любил рассматривать лица, отметил при первом же знакомстве, что у Кондрашова очень тонкие, можно сказать, аристократические черты. Благородный нос, четкий рот, высокие скулы. Глаза хоть и небольшие, но выразительные.

Сам Виктор был похож на мафиози. Причем нижнего звена. Рост — два метра, вес — сто двадцать килограммов, литые бицепсы, бритый череп, волевая челюсть. Если бы Саврасов не начал лысеть, он ни за что бы не обрился. Но кудри над ушами и небольшой островок волос на лбу делали его смешным. И Виктор стал сначала стричься под машинку, а потом убрал волосы под ноль. Без них он выглядел лучше, но опаснее, что ли. А так как Саврасов от природы был крупным, да еще любил спорт, много занимался им, то фигура его с возрастом приобрела пропорции боксера-тяжеловеса. Сними с него итальянский костюм, надень атласные шорты да перчатки и выпусти на ринг, Виктор там смотрелся бы гармоничнее, чем в своем офисе.

Тем временем с улицы вернулся Козловский. За ним следом — братья. Оба маленькие, как гномики. Даже официантка, казавшаяся Виктору дюймовочкой, была вровень с тем, что повыше. Или уж просто гиганту Саврасову все, кто ниже ста восьмидесяти, кажутся лилипутами?

Горячее подали. Картофель с куриной голенью. Виктор и не предполагал, что такое подают не только в столовых или привокзальных бистро, но и в ресторанах, пусть и не престижных.

— Не ел пюрешки с окорочками с начала девяностых, — проговорил Андрей азартно. — Хочу! Блин, хочу... — И, потирая руки, направился к своему месту.

Седаков сел за стол. Понюхав пюре, кивнул.

— Да, точно хочу! — И, не дожидаясь остальных, принялся есть, сопроводив начало трапезы фразой: — Надо слопать, пока не остыло.

— А где именинник? — спросил Козловский, тоже подойдя к столу и взяв из вазы яблоко. — Хотелось бы поскорее увидеть сюрприз и ретироваться.

— Интересно, что в его качестве будет продемонстрировано? — хмыкнул Андрей. Затем, отодвинув тарелку, проворчал: — Ну и гадость это пюре... Фу.

— Певца, наверное, пригласил, — предположил Лаврентий.

— Ага. Стинга, как ты на свой юбилей.

— Стинга вряд ли, — спокойно возразил Кондрашов. — А вот какого-нибудь барда, он вроде любитель...

— Или фокусника, — подал голос один из братьев. Тот, что повыше.

— Лучше бы стриптизершу, — усмехнулся второй.

Все заулыбались. Представить моралиста профессора в обществе стриптизерши было решительно невозможно. Он ни разу не продемонстрировал естественной мужской слабости. Даже двадцать лет назад, когда Стариков был еще относительно молод, он не заигрывал с коллегами женского пола и симпатичными студенточками. Вел себя если не как робот, то как евнух.

Виктору хотелось пить. Но на столе стояла лишь цветная газировка. Ни тебе минералки, ни простой воды в графине. Только что-то кошмарно красное, зеленое и желтое, разлитое в полуторалитровый пластик.

— Девушка, принесите, пожалуйста, воды, — окликнул он официантку. — Можно просто кипяченой.

Она, не оборачиваясь, кивнула и направилась к

двери, ведущей в кухню. Саврасов, посмотрев ей вслед, заметил, какие красивые у нее ножки. Им бы не по этой забегаловке ходить, а по подиуму, и не в растоптанных кроссовках, а в изящных туфлях на высокой шпильке.

От этих мыслей Виктора отвлек грохот. Резко обернувшись, он увидел, как распахнулась дверь туалета — она стукнулась о стену, отсюда и грохот — и из нее показался старик. Его шатало из стороны в сторону, точно смертельно пьяного. По лицу катился пот. Глаза были вытаращены, а руки сведены судорогой.

— Алексей Алексеевич, что с вами? — испуганно вскрикнул Козловский. — Вам нехорошо?

Ответа не требовалось. Всем было ясно, что имениннику не просто нехорошо, а очень и очень плохо. Его лицо, еще несколько секунд назад иссиня-бледное, стремительно начало краснеть. Белки выпученных глаз пошли алыми «трещинками» — это лопнули капилляры.

— Убийца, — прохрипел старик, выбросив скрюченную руку вперед, ткнув ею в Виктора. — Отравитель!

И, с трудом выплюнув изо рта это слово, рухнул на пол.

Его «потрескавшиеся» глаза закатились.

Рот распахнулся и застыл.

Кисти рук, похожие на когтистые лапы птицы, задрожали и обмякли.

Прерывистое, громкое, хрипящее дыхание оборвалось.

На миг воцарилась тишина.

После этого раздался звон. Это официантка уронила на пол бутылку с минеральной водой.

Глава 2

Лаврентий Кондрашов

Следственная бригада приехала быстро. Ее вызвала официантка. Девушка оказалась самой собранной и расторопной из всех присутствующих. Мужчины растерялись, а барышня подбежала к упавшему Старикову, потрогала шею, пытаясь нащупать пульс, а когда не вышло, сказала: «Умер!» После этого она проследовала к телефону и сделала два звонка: в полицию и «Скорую помощь», хотя Алексею Алексеевичу она уже ничем не могла помочь.

Лаврентий Кондрашов подошел к стойке бара, обозрел батарею бутылок, ткнул в одну из них, ту, на которой имелась наклейка «Абсолют», и спросил у бармена:

— Настоящая или паленая?

— Настоящая, — ответил тот, однако не очень уверенно.

Кондрашов, естественно, не поверил ему, но все же сказал:

— Плесни пятьдесят капель.

Бармен налил водки в стопку, подвинул Лаврентию. Понюхав, тот покачал головой.

— Нет, это я пить не буду. Давай лучше сока апельсинового.

Парень исполнил просьбу. А водку из стопки перелил обратно в бутылку, ловко отковырнув дозатор.

Со стаканом в руке Лаврентий повернулся лицом к залу, нашел глазами Саврасова и заинтересовался:

— Ты уже вызвал своего адвоката?

— Вызвал. А вы?

— А я решил пока обойтись без него.

— Зря, — вклинился в разговор Седаков. — Если старика на самом деле отравили, мы все станем подозреваемыми.

— Подозреваемый уже есть, — впервые за долгое время заговорил Козловский. С того момента, как старик упал замертво на пол, он не проронил ни звука. — Это Виктор Саврасов. Профессор назвал именно его своим отравителем.

Седаков вопросительно посмотрел на друга.

— Как думаешь, почему именно тебя?

— Без понятия, — пожал мощными плечами Саврасов.

— Я, кажется, знаю почему, — раздался голос Марка Штаймана. Лаврентий знал его. Тот получал свое второе высшее образование в то же время, что Кондрашов свое. — Я заглянул в туалет, — продолжал он. — Там по всему полу таблетки рассыпаны. Предполагаю, именно ими он и отравился. А если вспомнить, кто дал ему пузырек с лекарством...

— Я нашел его под столом!

— Этого никто не видел. В том числе профессор. Вы могли его и из кармана достать.

— Но это были таблетки Алексея Алексеевича.

— Это был пузырек из-под таблеток, которые принимал Стариков. Его же, как я полагаю, лежат в плаще, который висит сейчас в гардеробе...

Штайман как в воду глядел. Когда приехавшие по вызову полицейские осмотрели карманы плаща покойного, они обнаружили там пузырек с таблетками. Что еще, кроме этого, раскопали, Лаврентий не узнал, поскольку был уведен в подсобку для допроса. Причем до того, как он в сопровождении одного из оперов зашел в помещение, оттуда выкатили коляску со спящим

малышом. Очевидно, кому-то из работников не с кем было его оставить дома.

Лаврентия усадили за плохо отмытый от пищевых отходов стол и оставили одного минут на двадцать. Кондрашов все это время пытался услышать, что творится за дверью, но до него долетали только обрывки фраз. Одно он понял: Саврасова уже допросили. Конечно же, в присутствии адвоката, умудрившегося приехать не позже полиции. После того как Виктор был отпущен, опер, имевший с ним беседу, переключился на Кондрашова.

Майору было чуть за тридцать. Высокий, спортивный, с волевым лицом, он напоминал не реального, а скорее киношного борца с преступностью. Лаврентию опер не понравился с первого взгляда. Слишком самоуверен для человека, зарабатывающего тысячу долларов в месяц. Кто он, и кто Кондрашов! Надо же понимать... И вести себя соответственно. Ниц, конечно, не падать, но смотреть чуть снизу. Лаврентий к такому отношению привык. И ему это нравилось.

— Как, говорите, вас зовут? — переспросил он через несколько минут после того, как мент («полицай» или «коп» еще не прижилось и вряд ли приживется) представился.

— Майор Назаров. Алексей Петрович.

— Так вот, Алексей Петрович, еще раз повторяю, лично я именинника не травил и не имею понятия, кто это сделал. Все присутствующие на так называемом банкете, все до единого — уважаемые, успешные люди, зачем им вляпываться в криминал? — Лаврентий говорил и сам на себя не мог нарадоваться. Как складно у него получалось! Обычно его речь состояла из простых предложений без причастных оборотов.

— То есть в невинности Саврасова вы тоже уверены?

— На сто процентов.

— Но ведь кто-то убил Старикова?

Лаврентий пожал плечами.

— Что, если это нелепая случайность?

— То есть?

— В пузырьке была отрава, не предназначавшаяся человеку.

— А кому?

— Может, это вообще таблетки для унитаза?

Назаров посмотрел на Лаврентия с осуждением. Типа, взрослый человек, а несете всякий вздор. Кондрашов мысленно усмехнулся. Ему нравилось выводить самонадеянного опера из себя. Пусть и по мелочи.

— Как вы относились к покойному? — возобновил допрос майор.

— Ровно.

— То есть неприязни не испытывали?

— Нет, конечно. Иначе я не пришел бы на его юбилей.

— Либо пришли, чтобы убить его...

— Смешно... — хмыкнул Лаврентий.

— Разве? А мне кажется, грустно. Вашего преподавателя убили. Вам его жаль?

Кондрашов посерьезнел. Он хотел поскорее закончить, чтобы поехать домой, выпить хорошей водочки и нормально поесть, поэтому сменил тон и стал давать четкие ответы на заданные вопросы:

— Очень жаль. Старик помог мне получить диплом, я ему очень благодарен.

— А остальные говорят, что покойный был крайне строг и придирчив.

— Не со мной.

— Чем было вызвано его расположение?

— А вы как думаете, майор?

— У меня есть одно предположение, но... — Назаров развел руками. — Все уверяют, что Стариков был неподкупным преподавателем.

— Серьезно? А может, просто мало предлагали? Каждый человек имеет цену. Стариков в том числе.

— И сколько же он стоил, если не секрет?

— Точной суммы не назову, но дорого.

— И зачем вам это было нужно? Платить, чтобы получить диплом? Я понимаю, некоторых на работу без корочек не принимают. Но это точно не ваш случай.

— Честно? Учиться пошел, чтобы проверить себя. Смогу что-то понять или нет. Мне науки никогда не давались. Я ведь даже курсов не заканчивал, до всего сам доходил. Есть у меня диплом экономиста. Но я купил его еще в девяностых. Чтоб меня умники, типа тех, кто на банкете присутствовал, всерьез воспринимали. Но в глубине души я себя неучем чувствовал. Вот и решил понять, так ли я безнадежен...

— И какой вывод сделали?

— Понял, что все и так знаю. В теории ноль полный, но на практике всех преподав порву. И заскучал. Стало неинтересно учиться. Но надо же закончить, раз начал. Диплом получить. Вот к Старикову и обратился.

— Вы хорошо его знали?

— Совсем не знал.

— То есть никаких контактов вне академии с ним не было?

— Раза три встречались в ресторанах. Я приглашал старика на обед, мы решали вопросы, связанные с моей учебой. На личные темы не говорили.

Он отвечал так уверенно, что Назаров ему поверил. После этого разговор пошел легче. Майор попросил описать эпизоды обнаружения Саврасовым пузырька и появления умирающего Старикова в зале. Кондрашов старательно воспроизвел и тот, и другой. И после пары наводящих вопросов был отпущен.

Глава 3

Лаврентий-Сеня

Лаврентий считал себя избранным. И не только потому, что на его лбу красовалось родимое пятно, по очертаниям напоминающее крест. И не из-за редкого имени. У Лаврентия был дар превращать в золото все, к чему он прикасается. Только в отличие от мифического царя Мидаса не в буквальном смысле. Поэтому дар свой он считал благом, а не наказанием.

Жаль, разобрался в себе Лавр уже в довольно зрелом возрасте, то есть понял, в чем его истинный талант, и потому полжизни прожил в бедности.

Он вырос в трущобах. Отец и мать Лаврентия работали на шинном заводе. Отец слесарем, мать — аппаратчицей. Оба имели за плечами восьмилетку и трудный опыт выживания. Приехали в Москву из деревень, долго искали, куда бы получше пристроиться, чтоб и зарплата достойная, и общежитие, пока их не взяли на только что пущенный шинный завод. Сошлись родители Лавра не потому, что полюбили. Както в праздник по пьяному делу переспали. Девушка забеременела. Парень поступил порядочно — женился на ней. Не последнюю роль в его решении сыграл тот факт, что семейным дают отдельную комнату в общежитии.

После рождения ребенка молодые недолго оставались вместе, всего два с половиной года. Отец Лавра решил отправиться на Север, чтобы заработать на квартиру, и больше жена с сыном его не видели. Соломенная вдова недолго горевала. Уже через полгода нашла нового мужа. На сей раз гражданского. Привела его к себе в общежитие. Велела сыну называть его папой.

Звали нового «папу» Лаврентия Васей. Это классическое русское имя совершенно мужику не шло. Вася был черняв, смугл, броваст и чертовски хорош собой. Только этим объяснялся его успех у женщин. Потому что любить Васю как человека было не за что. Пьющий, склочный, ленивый, да еще и судимый. Но Вася никогда не был один. Мать Лавра отбила его у своей подружки. И до той он был не одинок. Все женщины предоставляли Васе кров и содержали его на свои жалкие гроши. А он принимал это как должное.

Лаврентий себя помнил с трех лет. И самая первая картинка из детства — это та, на которой Вася его бьет. Мужик колотил пасынка по поводу и без. А матушка не возражала. Считала, что пацанов только кулаками воспитывать и надо.

Отчима Лавр ненавидел люто. Поэтому, когда узнал, что тот подворовывает, настучал на него милиции. Мальчику едва исполнилось пять, он не очень хорошо говорил — заикался и проглатывал некоторые согласные, но умудрился донести до сведения участкового нужную информацию. В общагу нагрянули с обыском. Васю замели. Ни он, ни мать не могли даже предположить, что к этому приложил руку Лаврентий.

Васю осудили. Дали пять лет. Мама поплакала, поплакала да нашла себе нового сожителя. Этот был, не в пример Васе, спокойный, только пил сильно. Нажрав-

шись, ходил под себя. Так что в их комнате поселился не только мужчина, но и сопровождающий его запах мочи. Около года он прожил с матерью, пока не закодировался. Сделав это, мужик ушел. А спустя месяц у Лавра появился новый «папа».

Этот продержался дольше предыдущего, но меньше Васи. И ничего плохого о нем Лавр сказать не мог. Пьющий, как все мамины избранники, непутевый, туповатый, но хитрый. Следующие за ним «отцы» были примерно такие же, и Лаврентий не всех мог упомянуть. Но тот, о ком хотел бы забыть, напомнил о себе через пять лет. Вася, освободившись, явился к своей бывшей пассии...

И она его приняла!

После тюрьмы Вася стал еще злее. А так как Лавр уже более-менее повзрослел, то его можно было бить не вполсилы, как раньше, а в полную (спасало мальчишку то, что у мужика был ослабленный после тюрьмы и алкоголя организм). Когда Вася делал это при матери, она иногда за сына заступалась. Если была трезвая. А пьяная еще и подначивала, потому что Лавр плохо учился, не слушался и сигареты у них воровал. «Мал еще, чтобы курить! — рычал Вася, нанося мальчишке удары. — А если опять скрысятничаешь, я тебя вообще пришибу!»

Но Лаврентий все равно продолжал, как выражался Вася, крысятничать. Крал не только сигареты, но и вино. Сливал его по возможности в баночку, а потом продавал в школе. Как и сигареты. Многим мальчишкам хотелось покурить или выпить, но либо взять было негде, либо просто боялись у родителей воровать. А тут на школьном дворе и за сущие копейки...

Деньги, вырученные от продажи, Лаврентий не тратил — копил. Мечтал сбежать из дома. Уехать куда-

нибудь к морю, где тепло и фрукты. А если не получится в Крым или на Кавказ, то в любое другое место. Лаврентий готов был сбежать и на Север, и в тайгу, и в вечную мерзлоту, куда угодно, только бы подальше от дома, где над ним всячески издевались. Не только били и унижали. Еще мальчик постоянно становился свидетелем пьяного секса. Мать считала, что он спит, и с удовольствием отдавалась Васе. А Лаврентий открывал глаза, которые быстро привыкали к темноте, и все видел. И сам акт, и голую мать, и Васю без трусов. Иногда он наблюдал пенис отчима совсем близко, почти у своего лица, и тогда вскакивал, будто только проснулся, и звал маму.

Когда в копилочке Лаврентия набралась месячная зарплата советского работника, он стал готовиться к бегству. Однако все сорвалось в самый последний момент. Вася нашел его заначку...

Мать орала: «Гаденыш, как давно ты воруешь мои деньги?» Вася махал кулаками. Лавр кидался на него, пытаясь вернуть свое. Естественно, ничего у него не вышло. Избитого Лаврентия заперли в комнате, а сами ушли пропивать его деньги.

Мальчик, переполненный злостью и отчаянием, сперва только плакал. Но потом вскочил и в иступлении начал рвать вещи матери и ее сожителя. Но этого ему показалось мало. Гнев был не выпущен. И Лаврентий принялся бить посуду. Срывать занавески. Грохнул радио. Был бы телевизор, и его б расколотил.

Испортив в комнате все, что можно, Лаврентий в изнеможении опустился на грязный пол. Отдышался. Обозрел пространство. Понял, что натворил, и ужаснулся. Теперь его точно пришибут!

Мальчишке ничего не оставалось, как убежать. Причем через окно, так как дверь была заперта. К сча-

стью, спрыгнув со второго этажа, он ничего себе не сломал. Только ушибся немного и, прихрамывая, побегал прочь от общежития.

Лавру повезло, он смог без приключений добратсья до вокзала, сесть в электричку и доехать до конечной, не попавшись контролерам. Он сделал три пересадки, пока не понял, что если не поспит, то умрет от усталости. Еще ему ужасно хотелось есть, но голод он терпел легко — дома его кормили нерегулярно.

Переночевать Лавр решил на вокзале. Естественно, не в зале ожидания, где ходит милиция, а под лестницей, ведущей в подвал. Там его и нашла уборщица Маришка.

Маришке было сорок. Бездетная, одинокая, не совсем нормальная, но очень добрая женщина, она вечно подбирала бездомных кошек и собак...

Подобрала и Лаврентия.

Маришка жила неподалеку. Занимала комнату в бараке. У нее было бедно, но чисто, несмотря на проживающих здесь животных — четырех кошек и двух собак. Маришка накормила найденыша кашей — пшенкой с мясными обрезками. Что животным варила, то и сама ела, и гостям предлагала. Обычно все отказывались, а вот Лавр съел с удовольствием. Каша оказалась ему очень вкусной.

Маришка спросила, как мальчика зовут. Тот сказал, что не помнит.

— Память отшибло? — ахнула та.

— Ага.

— Бывает такое, знаю. Когда головой ударяешься. Или со страху.

— Я ударился, — быстро соврал Лавр.

— Тогда тебе в больницу надо. А потом в милицию.

Лавр испуганно замотал головой.

— Ну как же? — растерялась Маришка. — Тебе дом найти нужно, не вечно же на вокзале ночевать.

— А можно я тут поживу немного? Вдруг само собой вспомнится все...

И так жалостливо посмотрел ей в глаза, что добродушная дурочка тут же согласилась приютить Лавра.

— Только как же мне тебя называть? — озадаченно проговорила она. — Ты ж имени своего не помнишь...

— Как хотите...

— Семеном будешь. У меня котик был с таким именем. Ты на него похож. Тоже пятнышко на лбу.

Так Лаврентий на целых полгода стал Семеном.

Жилось ему у Маришки хорошо. Он спал на матрасе, брошенном на пол, вместе с кошками, ел пшенку с мясными обрезками и был абсолютно счастлив. Ведь его никто не бил, не унижал, при нем не пили, не дрались, не занимались сексом. Маришка даже не заставляла Лаврентия что-то делать, он сам и убирался, и животным варил еду, и помогал ей на вокзале. Из дома он сбежал в конце мая, и лето провел лучше, чем в пионерлагере, а осенью появились проблемы. Маришка всем говорила, что мальчик ее племянник, приехал на каникулы, но, когда в сентябре начался учебный год, у соседей да работников вокзала стали возникать вопросы. Пришлось Лавру уйти в «подполье». Он перестал выходить из комнаты днем (справлял нужду в горшок, варил еду на плитке), даже ночью сигнализировал через окно. Но это не помогло! В конце ноября явился участковый и забрал «Семена» в отделение. Он и ему наврал про амнезию, но на Лаврентия Кондрашова пришла ориентировка, а мальчик с такой особой приметой, как родимое пятно в форме креста, не имел шансов остаться неузнанным.

Лаврентия вернули домой.

К огромному, просто-таки невероятному счастью Лавра, Васи там не было. Он ушел от матери к другой. А к ней прибилась очередной мужчина. Вован. Что удивительно, вполне нормальный. Да, он попивал, но не каждый день. И мало того, вполне пристойно зарабатывал, чиня обувь. У нового сожителя матери был один недостаток — недоразвитая конечность. Он чудовищно хроamal, имел инвалидность. Наверное, поэтому он выбрал мать Лаврентия, а не кого-то получше.

Когда пацан вернулся домой, он ожидал взбучки. Но матушка его только отругала. Видимо, побоялась, что сын снова учинит разгром в доме.

С новым «папой» Лаврентий быстро нашел общий язык. Вован, видя, с каким трудом мальчик учится в школе, дал тому совет:

— Учись что-то делать руками, потому что из тебя академика не выйдет.

И Лаврентий, вняв совету, стал смотреть, как Вован чинит обувь: подбивает каблуки, вшивает молнии, ставит заплатки. Потом и сам попробовал сделать то же самое. Не сразу, но у него стало получаться. А на тот момент, когда мать выгнала Вована, найдя ему замену в лице разбитного сантехника их общежития, Лаврентий уже умел чинить обувь самостоятельно. Так как многие приносили свои штиблеты Вовану на дом, часть его клиентуры тут же перекочевала к Лаврентию.

Мальчику едва исполнилось четырнадцать, а он уже зарабатывал хорошие деньги. В отличие от Вована, который подругам сожительницы или своим близким знакомым ремонтировал обувку даром, а иной раз отказывался от работы, ленясь или хворая с похмелья, Лаврентий со всех брал деньги и хватался за любой за-

каз. Другие мастера советовали выкинуть изношенные сапоги, а он приводил их в пристойный вид. Лазил по помойкам, подвалам, чердакам, выискивал брошенную обувь и тащил домой. Из кожи делал заплатки, выпарывал молнии, вырезал мех.

Мать стала относиться к сыну с уважением. Как же — добытчик! И пусть из его доходов ей перепадало немного, все равно хорошо. Себя одевает, обувает и жрать не просит, все себе кашу варит с мясными остатками да за работой грызет карамельки «Гольшки».

Надо сказать, что после того, как ушел Вася, матушка изменилась в лучшую сторону. Пить стала меньше, не истерила по пустякам и даже снова в аппаратчицы выбилась из подсобных рабочих. Только чувствовал Лавр, любит она своего Васю. Любит и ждет, когда он вернется...

К его великому счастью, Вася не возвращался!

Школу Лаврентий окончил еле-еле. А так как он пошел в первый класс в возрасте восьми лет и после своего побега так и не смог нагнать сверстников и остался на второй год, то его сразу забрали в армию. Отслужил. Вернулся домой и занялся привычным ремеслом. Пожалуй, он так и прожил бы жизнь, чиня обувь, если бы не... Вася!

Спустя годы он нарисовался на пороге их комнаты. Уже не такой красивый, облезлый, худой, испитый, но мать его приняла. Воссоединение отметили грандиозной попойкой. После нее Вася по старой традиции накинудся на Лавра с кулаками, однако был бит. Причем жестоко. Но мать его защищала. Чуть ли не телом своим закрывала. А потом, плача, смывала кровь с его лица.

Утром Лаврентий проснулся оттого, что на него кто-то пристально смотрит. Естественно, это был Вася.

Он стоял над парнем с ножом в руке. Лавр выбил оружие из рук мужика, скрутил его и сказал матери:

— Выбирай — он или я.

Любви между матерью и сыном не было никогда. Ее всегда больше волновали мужики да пьянки, Лавра это, естественно, обижало. А того, что родительница позволяла его, малыша, колотить, он вообще простить ей не мог. И все же это была его мать. И если бы ее обижала какая-то баба, он прогнал бы ту...

— Вася остается, — твердо ответила мать.

Лаврентий молча собрал вещи, взял документы, деньги, инструмент и ушел.

Куда податься, он не знал. Друзей, у которых можно перекантоваться, у него не было. Как и подруг. Он вообще оказался одиночкой по жизни. Единственный человек, с кем у него получилось сблизиться, была полоумная Маришка.

Вспомнив о ней, Лаврентий заспешил на вокзал.

Он повторил тот путь, который проделал в десять лет. Только на сей раз ехал не зайцем.

Вокзал показался ему маленьким и мрачным. Не таким, как раньше. В детстве здание виделось Лавру огромным и почему-то напоминало дворец. Наверное, из-за сводчатых окон и высоких потолков. Или из-за люстры в центральном зале, многоярусной, блестящей.

Лаврентий подошел к справочной, спросил про Маришку.

— У нас такая не работает, — ответила женщина удивленно.

— А она вообще жива, не знаете?

— Понятия не имею...

И Лавр направился к бараку, где провел чуть ли не лучшие дни своей жизни. Каков же был его ужас, ко-

гда оказалось, что на том месте высится трехэтажный универмаг.

Лаврентий вернулся на вокзал. Собрался в Москву, так как не надеялся найти Маришку. Более того, он только сейчас понял, как глупа его затея. Пока сидел в ожидании электрички, к нему подошел мужик бомжеватого вида. Не сразу Лавр узнал в нем бывшего соседа Маришки.

— Сигаретки не найдется? — проблеял тот.

Лавр не курил, но решил купить мужику пачку «Примы». Сунув ее в руку алкаша, он спросил:

— Ты ведь в бараке жил за вокзалом?

— Ну?

— Когда его снесли, вам квартиры дали?

— Ну.

— Где?

— Ну...

Лаврентий чуть тумачов мужику не надавал. Но сдержался и терпеливо объяснил, что ему надо. Поняв, кто перед ним, пьяница поднял радостный крик:

— Семка, это ты? Ну надо же... Здоровый стал! А пятно-то твое где? А, вон оно, под козырьком... Вот я тебя и не признал!

— Жива она?

— Да, жива! Мы с ней опять по соседству. Через стенку. Всю жизнь мы с ней бок о бок. С малых лет...

— Она всегда была такой?

— Дурочкой-то? Не. В нормальную школу пошла. И училась хорошо. Хотя семья у нее была дрянная. Отец вообще мразь. Из-за него Маришка дурочкой стала. Он ее, первоклашку, изнасиловал. Тогда она умом и повредилась... — Пьяница вздохнул тяжело. — Жаль Маришку. Хорошая она...